

of developing the spiritual potential of the individual. This methodological perspective of analysis requires insight, the heart of spiritual culture. Therefore, the main purpose of this article is to analyze the context, the construction conditions and the development logic of social cohesion - a spiritual culture that as integral knowledge, constructs the unity of values, traditions, generations. Thus, the article problem is to develop mechanisms and logic for the development of the social cohesion phenomenon with the aim of further developing an integrated methodology for addressing the problems of integrity.

Keywords: *spiritual culture, social unity, integrity, integral knowledge, co-existence.*

УДК 17.023.32

Шаталович А. М.,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии,
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара
(Днипро, Украина), E-mail: visnukDNU@i.ua

СЕМЬЯ В ФИЛОСОФСКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ ПОЗНАВАЕМОСТИ

Аннотация. *Проблема научной познаваемости семьи сводится к четырем вопросам: целостного понимания семьи, научной объективности, допустимых границ редуцирования и онтологизации научных моделей. Показано, что собственная семья исследователя не может быть полностью элиминирована в его научном опыте. Акцентировано внимание на проблеме редуцирования семьи, поскольку в процессе научного познания возникает научный схематизм, который существенно обедняет фамилистическую реальность. Сохраняет свою актуальность вопрос онтологизации научных моделей, когда при моделировании рационально-логический конструкт семьи отрывается от этического, аксиологического и экзистенциального аспектов и онтологизируется.*

Ключевые слова: *семья, фамилистика, социология семьи, психология семьи, философия семьи.*

Семья – важнейший атрибут человеческого бытия, фундаментальный признак антропосоциума, осмыслению которого в истории философии были посвящены работы Аристотеля, Августина, Т. Гоббса, Г. Гегеля, С. Кьеркегора, Ф. Энгельса, Г. Спенсера, В. Розанова, И. Ильина, С. Троицкого, Д. Гильдебранда и др. Но, начиная с XX столетия, тема семьи была в большей степени монополизирована социологией, психологией, демографией и социокультурной антропологией. Каждая из наук, обособленно изучавшая этот многогранный феномен, оказалась не в состоянии охватить его во всей полноте, что и привело к выдвиганию идеи о междисциплинарном синтезе наук о семье (А. Антонов, В. Медков, Е. Рашковский). Указанный синтез, по своей сути, связан с решением философской задачи рассмотрения семейной формы человеческого бытия с наиболее общей точки зрения или, в перспективе, с формированием новой философской дисциплинарной разновидности – философии семьи, в русле которой проводится и наше исследование.

Флагманами научного познания семьи по праву сегодня можно считать *социологию* и *психологию*, которые имеют в своей структуре соответствующие научно устоявшиеся разделы: социологию семьи и психологию семьи. Социология семьи репрезентирована трудами П. Амато, А. Антонова, Т. Библарц, С. Буровой, Э. Вестермарка, С. Гаврова, Ю. Гаспаряна, У. Гуда, Т. Гурко, С. Голода, А. Карлсона, А. Клещина, Ч. Кули, М. Мацковского, В. Медкова, Т. Парсонса, Д. Попено, А. Синельникова, П. Сорокина, Д. Стейси, А. Харчева, К. Циммермана, Е. Черняка. Социологи изучают семью как социальный институт (макросоциология семьи) и первичную группу (микросоциология семьи), уделяя первостепенное внимание выяснению структуры и функций семьи. В социологии семьи исследуются также своеобразие семейного образа жизни при смене исторических эпох, институт на-

следования детьми социального статуса родителей, жизненный цикл и динамика семейных взаимоотношений, кризис и распад семьи [7, т. 10, с. 582]. Психологи обращают главное внимание на межличностные отношения в семье [8, с. 10]. Психология семьи балансирует между сферами бессознательного (психоанализ) и социального (социальная психология) и во многом ориентируется на терапевтическую функцию.

Свой существенный вклад в спектр фамилистических исследований вносят также и другие науки: *демография* (В. Архангельский, С. Голод), уделяющая первостепенное внимание репродуктивной функции семьи; *этнография* (И. Бахофен, Э. Вестмарк, Дж. Мак-Леннан, Л. Морган, Н. Бутинов, В. Кабо), рассматривающая семью с точки зрения этнических особенностей и традиций; *социокультурная антропология* (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун, К. Леви-Строс), структурирующая и систематизирующая огромное разнообразие обычаев, регулирующих брак и родство у разных народов; *психотерапия*, имеющая ярко выраженный терапевтический характер (В. Сатир); *педагогика*, концентрирующаяся на социализирующей и образовательной функциях семьи (Б. Бим-Бад, Г. Тарасенко); *правоведение*, изучающее процессы легитимации тех или иных сторон семейных отношений (И. Косарева); *экономика*, рассматривающая семейно-брачные отношения в контексте экономического подхода (Г. Беккер).

Каждая из наук указанного (далеко не полного) перечня, изучающая феномен семьи, так или иначе, сталкивается с **проблемой научной познаваемости семьи**. Экспликация данной проблемы в философско-гносеологическом ключе будет **целью статьи**.

Для выявления проблемы научной познаваемости семьи рассмотрим четыре вопроса: целостного понимания семьи, научной объективности, допустимых границ редуцирования и онтологизации научных моделей. Остановимся на каждом из них подробнее.

Начнем с *вопроса целостного понимания семьи*. Данный вопрос имеет качественную и количественную составляющую. В *количественном* плане он связан с разобщенностью фамилистических исследований, которая выглядит непреодолимой за счет лавинообразно увеличивающегося объема. Так, по данным Национального совета по семейным отношениям США, за первую половину XX века, с 1900 по 1960 год, в западных странах опубликовано около 12 тысяч книг и статей, посвященных семье, а во второй половине, за период с 1960 по 1986 год, вышло уже более 50 тысяч публикаций по данной проблематике [7, т. 10, с. 646]. В первом десятилетии XXI века научный интерес к проблемам семьи еще более возрос в контексте демографических, социологических, психологических и правовых исследований. В перечень рассматриваемых сегодня проблем входят: депопуляция коренного населения и государственная политика во время второго демографического перехода, альтернативные формы семьи и усыновление детей однополыми союзами, формирование гендерной идентичности и толерантности. Обратим внимание на то, что вместе со стремительным ростом объема фамилистических исследований растёт и проблема целостного понимания семьи. Обобщенный портрет семьи пока не вырисовывается, а огромный пласт знаний, накопленных конкретными дисциплинами, с трудом подвергается комплексному осмыслению.

В *качественном* плане вопрос целостного понимания семьи связан с тем, что каждая наука «знает» семью лишь со своей стороны, по аналогии с известной притчей о слоне, которого с разных сторон ощупывали слепцы. Так, к примеру, А. Антонов предупреждает об угрозах уклонения в «социологизм» либо «психологизм» при анализе фамилистической сферы: «Структуралисты ныне уповают на социальный *perpetuum mobile*, который якобы спасет от кризисных тенденций, а психологизаторы, размывая границы семьи до «влечения сердец», убеждают себя в сверхценности многообразных форм «осколочной семейности»» [2, с. 49].

Таким образом, исследование семьи лишается целостности, становится мозаичным и фрагментарным. В этой связи стоит отметить дробный характер сегментов фамилистических исследований. В социологии семьи, например, в качестве оценочной характеристики семейной деятельности используются понятия качества и успешности брака, которые являются узкими, так как не охватывают всей совокупности отношений в семье [14, с. 47–49].

Возникновение фрагментарности, как правило, вызвано прикладным характером фамилистических исследований, о котором еще в 60-х годах XX столетия писал известный социолог У. Гуд. Он, в частности, обратил внимание на тот факт, что хотя в области социологии семьи было проведено исследований больше, чем в какой-либо другой значимой отрасли, однако лишь в немногих из них предприняты попытки теоретического осмысления. Исследования в основном носили прикладной характер и были направлены, например, на профилактику супружеских конфликтов [5, с. 194]. Аналогичный вывод делает и современный специалист в области социологии семьи Т. Гурко. Она подчеркивает, что с начала 2000-х годов интерес к проблемам семьи возрос, в частности, на политическом уровне в связи с депопуляцией коренного населения. Соответственно возросло и число исследований по семейной проблематике. Но в большинстве своем, по мнению исследовательницы, их связь с теоретическими подходами не очевидна, а теоретические основания в них подменяются ценностными позициями [6, с. 5].

Основной недостаток фрагментарно-прикладного характера исследования семьи, в первую очередь, заключается в сужении исследовательского поля семьи. К примеру, социология семьи ограничивается социальными рамками и основаниями. А как же мифические, религиозные, экзистенциальные основания? А как же мистические и сакральные браки? Как их учесть? Это все надо отбросить, или быть может редуцировать к социальному? По мнению автора статьи, социальное скорее не предопределяет, а отражает исходящее из целостного мировоззрения более глобальное видение семьи в ту или иную эпоху. Кроме того, фрагментарное познание семьи имеет недостатки в историческом ключе. Проиллюстрируем данный тезис на примере эволюционной схемы исторического развития брачных отношений: древние формы брака – дуально-родовой брак – моногамия – эгалитарный брак. В данной схеме укажем следующие недостатки: 1) феномен брачности рассматривается здесь, прежде всего, в социальном контексте, что исключает, к примеру, полноценный учет мистического понимания брака; 2) позитивистские по своей сути идея прогресса и линейный характер переходов фамилистических форм, требуют сегодня существенного пересмотра.

Следует обратить внимание, что к постановке задачи целостного познания семьи уже вплотную подошли современные фамилистические науки, в частности, социология семьи. Так, современный специалист в области социологии семьи С. Бурова обращает внимание на то, что отсутствует общая макротеория семьи в строгом ее понимании в силу чрезвычайной сложности и многогранности семьи. Существуют различные направления и подходы при анализе семьи: биологизаторский, эволюционистский, культурологический, структурально-функциональный, интеракционистский, конфликтологический, институциональный, групповой. Однако каждый из подходов имеет свои изъяны и ограничения. Проблема понимания семьи как целостного явления состоит, по ее мнению, в адекватности применяемых концепций и терминологии. Этому может соответствовать системный подход, в котором семья анализируется как система на макро- и микроуровнях в пространственном и временном континууме. Однако это, полагает исследовательница, – перспективная цель, чрезвычайно сложная и осуществляемая лишь общими усилиями многих специалистов и ученых [17, с. 903–904]. А. Антонов и В. Медков, как уже подчеркивалось, видят выход в создании междисциплинарного системного подхода к семье – *фамилистики* [3, с. 6].

Таким образом, артикулированные учеными задачи по построению макротеории семьи или созданию междисциплинарного фамилистического синтеза свидетельствуют о современной востребованности философского подхода, способного в качестве методологического базиса вывести исследователей за фрагментарные рамки, установленные той или иной фамилистической наукой.

Второй вопрос, который будет рассмотрен в рамках заявленной темы – вопрос научной объективности. Ученые, в частности социологи, настаивают на возможности достичь (хотя и с затруднениями) научной объективности в фамилистических исследованиях. Так, по признанию А. Антонова [2, с. 14–16], поиск истины в социологии тяжок, особенно в социологии семьи, так как здесь сцепленность объекта с методами наблюдения и вовлеченность самого ученого в объект исследования через личный опыт семейной жизни непосредственно заставляют обратить особое внимание на познавательную работу социолога, его инструментарий, надежность и обоснованность измерения фамилистических феноменов. А. Антонов подчеркивает, что социологу, изучающему семью, призванному профессионально открывать людям глаза на всем давно известные феномены, непросто предпринять путешествие по собственному дому. Индивидуальный опыт семейной жизни самого ученого в еще большей степени, чем неискренность и самозащита респондентов, препятствует беспристрастному изучению семейных отношений. Поэтому социолог всегда рискует стать сторонником тех теорий, в которых отображается привычный ученому семейный образ жизни. В связи с этим А. Антонов полагает, что первый методологический принцип фамилиста – перешагнуть через самого себя, через конвенциональность своего пола, преодолеть личный опыт семейной жизни и принять этические нормы профессионала, которые, конечно же, легче сформулировать, нежели осуществить на практике. Социолог-фамилист, по мнению исследователя, должен уметь провести границу между профессиональным интересом к семье вообще и личной жизнью – если собственная семья неизбежно становится частью предмета исследования. И, чтобы уберечься от коварного импульса подстраивать научные истины под свое повседневное бытие, он советует, подобно гоголевскому кузнецу из «Вия», очертить вокруг себя мелом спасительный круг сциентизма. Такой подход неизбежно предполагает постепенный отказ от личного взгляда на мир, мир здравого смысла, данный нам в непосредственных ощущениях и принимаемый как самоочевидный. То есть А. Антонов, по сути, постулирует возможность «отбросить» жизненный мир, избавиться от личностной вовлеченности и достичь научной объективности при исследовании семьи.

Насколько исполнимы на деле заявленные рекомендации? По мнению автора статьи, они практически нереализуемы. Как справедливо подчеркивает С. Катречко, для получения объективного знания, каковым выступает наука, субъект познания должен находиться по отношению к объектам в позиции «внешнего» наблюдателя. В случае же метафизических целостностей это невозможно, поскольку мы не можем «выпрыгнуть» из Мира или собственного «Я» и занять по отношению к ним позицию внешнего наблюдателя [10, с. 12].

Аналогично и семья – это феномен, который охватывает человека метафизически и, будучи метафизической целостностью, не дан человеку полностью как объект исследования. Собственная семья не может быть полностью элиминирована в нашем научном опыте, подобно тому, как не может быть элиминировано время, в среде которого пребывает человек. То есть человек не может «выскочить» из семьи для ее изучения. Мы укоренены в семью через рождение, воспитание, жизненный мир, и у нас не получится (как бы мы ни хотели) отрешиться от наших имплицитных семейных установок, абстрагироваться от того опыта, который нас сформировал и продолжает формировать. Семейный опыт стоит во главе нашего социального опыта и априорно предопределяет ценностные ориентации. Даже изучая другую семью, мы будем невольно сравнивать ее с опытом своей семьи, по-

этому нам так трудно понять чужую семью. Хотя верно и обратное, в другой семье мы сможем понять лишь то, что было дано нам в опыте нашей семьи.

Таким образом, в фамилистическом познании ключевую роль играет *не столько объективность, сколько интерсубъективность семьи*: лишь в ракурсе своей семьи мы можем воспринять и другую семью. В фамилистическом познании не следует сбрасывать со счетов наш персональный опыт ради достижения научности. В этом отношении интересны наблюдения С. Аверинцева. Он обращал внимание, что наука живет в конкретной множественности научных дисциплин и снимает с изучаемого предмета проекции на свои экраны. Люди же ошибочно принимают образованные схемы за подлинный образ реальности. В частности, когда мы, сами того не замечая, в бытовом разговоре, говорим о «психологии» человека (когда имеется в виду его духовная жизнь), и о его «физиологии» (когда имеется в виду его телесная жизнь), то мы подменяем даже на лексическом уровне понятие некоей реальности понятием науки, эту реальность изучающей. Эта же проблема касается и семьи. Из чего складывается действительность супружества? Физиологии, психологии, социологии, экономики, морали... «Но все вместе – не труха ли? – задает вопрос С. Аверинцев. – И не то – и не то – и не то. Все проекции – только не сама вещь, слава Создателю, известная мне по опыту» [1, с. 797–798]. Наряду с опытом супружеской жизни С. Аверинцев подчеркивает экзистенциальную важность детско-материнских отношений. Он пишет, что материнство естественным образом занимает в жизни женщины более существенное место, чем отцовство – в жизни самого доброго и ответственного мужчины. Кроме того, каждый из нас, подчеркивает мыслитель, кто был в младенчестве вскормлен материнской грудью и утешен материнской лаской, получил первоначальное посвящение в высокие таинства [1, с. 810–811]. Следовательно, можно сказать, что наши биографии весьма укоренены в нашем семейном опыте, и за каждой трагической судьбой следует искать предшествующую ей семейную трагедию.

Итак, автор статьи убежден в том, что можно и должно изучать семью через свой внутренний опыт. Семья как метафизический объект аналогична разуму как метафизическому объекту. Соответственно, те выводы, которые мы сделаем относительно своей семьи, могут оказаться универсальными и для других людей, подобно тому, как универсальными для других оказались выводы И. Канта при исследовании собственного разума.

Перейдем к рассмотрению *третьего вопроса*, который касается *допустимых границах редуцирования семьи при ее анализе*. Процесс научного познания неразрывно соединен с процедурой редукции, необходимой для моделирования и идеализации. Неизбежность данных процедур и связанных с ними затруднений в социальных науках описывают В. Добреньков и А. Кравченко [7, т. 1, с. 572–574]. Они обращают внимание на то, что специалист огрубляет, упрощает, искажает объективную реальность и создает очень приблизительный субъективный образ, но только этот образ, по их мнению, помогает правильно ориентироваться в бесконечных фактах, найти верный курс и прийти к желанной цели. Упрощение – это та цена, которую приходится платить за то, чтобы увидеть мир осмысленным и понятным. Следовательно, моделируя реальность, мы что-то находим и что-то теряем. Важно, как подчеркивают исследователи, чтобы потери не превысили находки.

Насколько научные находки в фамилистических исследованиях превышают потери? Вопрос остается открытым. Дело в том, что семья, как и большинство жизненных явлений, слишком сложна, чтобы описывать ее во всей полноте. Поэтому многое из фамилистической действительности отбрасывается, усредняется или упрощается в научном измерении. В связи с этим возникает вопрос пределов редукции при познании семьи, который выводит нас к следующим вопросам.

Во-первых, не убивает ли редукция специфически семейное? Быть может, мы

рисуем пройти мимо чего-то главного, что делает семью таковой? Например, мимо любви. Можно ли считать семью или брак таковыми без любви? Со всей остротой указанный вопрос был неоднократно артикулируем в истории философии. Так, И. Ильин полагал, что всякая настоящая семья возникает из любви и дает человеку счастье, а там, где заключается брак без любви, семья возникает лишь по внешней видимости [9, с. 132–133]. Быть может, рассуждая о несчастливой семье, следует говорить о семье с искаженной любовью? С точки зрения научного подхода, находящегося под влиянием идеалов позитивизма, это бессмысленно. Любовь не входит в современный научно-энциклопедический перечень формальных признаков семьи. Любовь невозможно научно и достоверно верифицировать, а значит о ней, с позитивистской точки зрения, и говорить не имеет смысла. Лучше, к примеру, фиксировать удовлетворенность браком или его успешность, но даже от таких критериев многогранный феномен семьи зачастую «ускользает». Возникает необходимость во все новых и новых критериях и концепциях. Не случайно А. Коробейникова пишет о таких методических требованиях к исследованию социального конструкта семьи, как принципиальная неполнота изначальных эмпирических данных, принципиальная незаконченность процедуры исследования, непрерывное конструирование процедур и тактик исследования [11, с. 18].

Во-вторых, может ли семья как индивидуалия быть усредненной величиной? Может. Но при этом она низводится до уровня некоей безжизненной математической точки. Так, под исследуемой семьей в фамилистических науках (в частности, социологии) зачастую подразумевается семья среднестатистическая, в которой не учитываются отклонения от основной модели. Как пишут В. Добренков и А. Кравченко: «В жизни трудно найти такой феномен, который бы точно подходил под идеально сконструированный чистый тип... Поэтому-то социологи, не имея абсолютно точного инструмента, пользуются средними величинами или типами, которые имеют статистический характер» [7, т. 1, с. 581–582]. Каждая же семья, по мнению автора статьи, есть специфическая комбинация экзистенций, некая неповторимая монада, которая с трудом поддается обобщению. И хотя исследователи классифицируют ее типажи, но вследствие идеализации семья оказывается рационально-логическим конструктом, отсутствующим в реальности. В частности, на этом аспекте идеализирования акцентирует внимание О. Волжина: «... идеальный тип семьи, являясь методическим средством, не отражает действительность. Это теоретическая, логически непротиворечивая конструкция, включающая круг наиболее типичных ценностных характеристик семьи, выраженных обобщающими категориями» [4, с. 206–207].

В-третьих, можно ли при помощи рациональной редукции «ухватить» и описать жизнь семьи? Как прекрасно показал А. Бергсон, кинематографическому способу работы нашего интеллекта намного проще описывать статические, безжизненные процессы, но оказывается неподвластным описание жизни без существенного искажения. Это же, по мнению автора статьи, справедливо и в отношении жизни семьи. При позитивистском описании семьи обычно указываются минимальные, сводимые к статическому фиксированию, сведения, например: группа, связанная брачными отношениями или родственными связями, общностью быта. То есть акцентируются социальные и биологические признаки, а этические и аксиологические отодвигаются на второй план. При этом выхолащивается содержательная сердцевина семейно-брачных отношений, не «схватывается» ее истинная экзистенциально-феноменологическая и нравственно-ценностная сущность, вследствие чего, остается в основном формальное, несколько «безжизненное» понимание семьи, видимость семьи как выхолащенной, «неживая» схема, некий «мертвый» механизм, внешние рамки. Ученые, исследуя эти рамки, как правило, проходят мимо оживотворяющей сердцевины семьи. Ведь не внешние рамки создают семью, а наоборот некая сердцевина порождает эти рамки. Говоря

терминами Н. О. Лосского, в данном понимании отсутствует тот субстанциальный деятель, который активизирует, оживотворяет это социально-биологическое образование. То есть за счет позитивистского подхода происходит вначале некое «умерщвление» жизненной реальности, а потом этот «мертвый» механизм пытаются искусственно оживить. В результате, появляются всевозможные теории семьи, например, символического интеракционизма, социального конфликта, социального обмена и рационального выбора.

Таким образом, семья типична и в то же время неповторима. Научный же схематизм обедняет фамилистическую реальность, и цена редукции оказывается слишком дорога. Если для естествознания подобная редукция не настолько чувствительна, то для гуманитарных наук она составляет проблему. Так, идеализация и статистическое усреднение в естествознании способны предсказать поведение общей системы, к примеру, идеального газа в целом, а не каждой его молекулы. Переход же к реальному газу осуществляется через эмпирические коэффициенты, неофициально называемые «коэффициентами незнания». В социальных же науках «коэффициенты незнания» обходятся значительно дороже: их цена – людские судьбы и жизни. Поэтому ключевые экзистенциальные, этические, аксиологические основания, на наш взгляд, не подлежат редуцированию или вытеснению на второстепенные позиции в фамилистическом познании.

Рассмотрим последний *вопрос*, который связан с *онтологизацией научных моделей*. Как известно, ее остро поставил Э. Гуссерль в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология». С тех пор данный вопрос остается открытым, и его отголоски доносятся до нас в рассуждениях ученых. Так, в научной литературе можно встретить следующие пассажи: «Хотя теория явно направлена на объяснение объективной реальности, описывает она не окружающую действительность, а идеальный объект» [7, т. 1, с. 492]; «... образовав с помощью идеализации понятие о такого рода объекте, можно в дальнейшем оперировать с ним в рассуждениях как с реально существующей вещью» [18, с. 196]; или: «... сам по себе объект изучения – абстракция, наделяемая свойством реального, объективного существования» [2, с. 48].

«Кризис», в котором находятся не только науки, но и все «европейское человечество», связан, по мнению Э. Гуссерля, с тем, что наглядное восприятие мира, «оживляющее» любые смысловые конструкции, постепенно в ходе развития западных наук все больше подменялось определенными конструктами, живой смысл которых был утрачен. Произошло превращение живого смысла, преисполненного наглядностью и связанного с нашим жизненным миром, в пустые «окаменелости» знаков и теорий. И, хотя использование этих знаков и теорий позволяет науке развиваться очень быстро и эффективно, но в то же время придает им такую власть, что мы начинаем действовать, руководствуясь этими безжизненными схемами и игнорируя всякую живую очевидность того, что мы делаем. В результате, происходит «забвение жизненного мира» [12, с. 21–22]. И хотя жизненный мир – источник как повседневной жизни человека, так и науки, но в истории западноевропейской культуры наука настолько отдалается от жизненного мира, что противопоставляется повседневности. Корень этого противопоставления науки и жизни Э. Гуссерль усматривает в своего рода фальсификации идеи греческой науки [15, с. 185]. Эта фальсификация происходит в Новое время, когда наука начинает апеллировать не к вещам, окружающим человека, а к моделям этих вещей. Как подчеркивают Д. Антисери и Дж. Реале, драма современной эпохи началась с Галилея, который выделил из жизненного мира физико-математическое измерение, и это измерение стали считать конкретной жизнью [16, с. 377].

Таким образом, произошло своего рода сращивание научного и мифического восприятия мира, о котором, в частности, пишет А. Лосев. Он обращает внимание, что в Новое время, к примеру, понятие материи гипостазировалось и проеци-

ровалось вовне в виде какой-то реальной вещи, а понятие силы понималось почти всегда реально-натуралистически, то есть по существу ничем не отличалось от религиозных представлений о демонических силах природы [13, с. 53]. Можно сказать, что подобно тому, как в мифе отождествляется поэтическое восприятие мира с реальностью, так и новоевропейская наука создала свои модели и восприняла, что они и есть реальность. То есть когда ученый или общество, использующее его идеи, забывают, что научная схема есть именно модель (картина мира), а не сама реальность, то происходит мифизация, а с нею и кризис, о котором говорил Э. Гуссерль.

Если же перейти к фамилистическому контексту, то здесь мы столкнемся с аналогичной проблемой – отождествлением схем и моделей семьи с реальностью. Вначале, во имя объективного научного исследования семьи, происходит отрыв гносеологического аспекта от этического, аксиологического и экзистенциального аспектов, а потом этот рационально-логический конструкт онтологизируется, что, по сути, есть аналог мифического восприятия, которое прикрывается научностью.

Выход из кризиса Э. Гуссерль видел в феноменологическом освоении мира через обращение к изначальным источникам нашего опыта и изменение стиля видения, о чем говорит и его знаменитый лозунг: «Назад к вещам!». Его идеи не прошли бесследно. Под влиянием феноменологии возникла, к примеру, феноменологическая социология (А. Шюц). Но в целом сдвиги происходят не настолько быстро и вопрос онтологизации научных моделей в фамилистических исследованиях, по мнению автора статьи, все также остается открытым.

Подводя итог, отметим, что современные фамилистические исследования сталкиваются с метафизической по своей сути проблемой научной познаваемости семьи. Автор статьи акцентирует внимание на характерных для наук, исследующих семью, вопросе *целостного понимания семьи*, который имеет качественную и количественную составляющую, а также вопросе *научной объективности*. Познавание семьи не вписывается в традиционные научные представления о субъекте и объекте исследования: семья, будучи метафизической целостностью, не дана человеку полностью как объект научного исследования. Кроме того, автор статьи обращает внимание на то, что в поле исследовательских интересов остается открытым вопрос *о допустимых границах редуцирования семьи* при ее анализе, когда, по причине сложности познания, многое из фамилистической действительности отбрасывается, усредняется или упрощается, что создает опасность выхолащивания содержательной сердцевины семейно-брачных отношений, ее истинной экзистенциально-феноменологической и нравственно-ценностной сущности. Обосновано, что сохраняет свою актуальность вопрос *онтологизации научных моделей*. Обособление гносеологического аспекта познания семьи приводит к замене метафизики бытия метафизикой научных моделей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Аверинцев С. С. Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи // София-Логос-Словарь. Собрание сочинений; Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. – К.: Дух і Літера, 2006. – С. 796–815.
2. Антонов А. И. Микросоциология семьи. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 368 с.
3. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ; Изд-во Международ. ун-та бизнеса и управления Братя Карич, 1996. – 304 с.
4. Волжина О. И. Идеально-типическая модель семьи как предмет социологии культуры // Знание. Понимание. Умение, 2012, №3, С. 202–207.
5. Гуд У. Развитие теории семьи // Социология сегодня. Проблемы и перспективы : Пер. с англ. / Под ред. Р.К. Мертона и др. – М.: Прогресс, 1965. – С. 194–217.
6. Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – 184 с.
7. Добренков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология: В 15 т. – М.: ИНФРА-М, 2003-2007. – Т. 1 : Теория и методология. – 2003. – XXII, 908 с.; Т. 10 : Гендер. Семья. Родство. – 2006. – 1094 с.

8. Дружинин В. Н. Психология семьи. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2006. – 176 с.
9. Ильин И. А. Путь духовного обновления: [сборн. соч.]. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 1216 с.
10. Катречко С. Л. Как возможна метафизика: на пути к научной [трансцендентальной] метафизике // Вопросы философии, 2012, № 3, С. 3–14.
11. Коробейникова А. П. Социальное конструирование: теоретико-социологический анализ (на примере семьи) : автореф. дис. ... канд. социологич. наук : 22.00.01 – Теория, методология и история социологии. – Екатеринбург, 2002. – 19 с.
12. Куренной В. Феноменология Эдмунда Гуссерля // Гуссерель Э. Избранные работы; Сост. В. А. Куренной. – М. : Территория будущего, 2005. – С. 7–22.
13. Лосев А. Ф. Дialeктика мифа. Дополнение к «Дialeктике мифа». – М. : Мысль, 2001. – 559 с.
14. Мацковский М. С. Социология семьи: Проблемы теории, методологии и методики. – М. : Мысль, 1989. – 120 с.
15. Разеев Д. Н. В сетях феноменологии // Разеев Д. Н., Гуссерель Э. В сетях феноменологии. Основные проблемы феноменологии. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 15–219.
16. Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4; Пер. с итал. С. Мальцевой. – СПб. : Петрополис, 1997. – 880 с.
17. Социология : Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов и др. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
18. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

REFERENCES:

1. Averintsev S. S. Brak i sem'ya. Nesvoevremennyy opyt khristianskogo vzglyada na veshchi [Marriage and the family. The late experience of the Christian view of things] // Sofiya-Logos-Slovar'. Sbornie sochineniy; Pod red. N. P. Averintsevoy i K. B. Sigova. – K.: Dukh i Litera, 2006. – S. 796–815.
2. Antonov A. I. Mikrosotsiologiya sem'i [Microsociology family]. – M.: INFRA-M, 2005. – 368 s.
3. Antonov A. I., Medkov V. M. Sotsiologiya sem'i [Sociology of the family]. – M.: Izd-vo MGU; Izd-vo Mezhdunarod. un-ta biznesa i upravleniya Brat'ya Karich, 1996. – 304 s.
4. Volzhina O. I. Ideal'no-tipicheskaya model' sem'i kak predmet sotsiologii kul'tury [The ideal-typical model of the family as a subject of sociology of culture] // Znanie. Ponimanie. Umenie, 2012, №3, S. 202–207.
5. Gud U. Razvitie teorii sem'i [The development of the theory of the family] // Sotsiologiya segodnya. Problemy i perspektivy : Per. s angl. / Pod red. R.K. Mertona i dr. – M.: Progress, 1965. – S. 194–217.
6. Gurko T. A. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu sem'i [Theoretical approaches to the study of the family]. – M. : Institut sotsiologii RAN, 2010. – 184 s.
7. Dobren'kov V.I., Kravchenko A. I. Fundamental'naya sotsiologiya: V 15 t. [Fundamental sociology: 15 t.]. – M. : INFRA-M, 2003–2007. – T. 1: Teoriya i metodologiya. – 2003. – XXII, 908 s.; T. 10 : Gender. Sem'ya. Rodstvo. – 2006. – 1094 s.
8. Druzhinin V. N. Psikhologiya sem'i [Psychology of the family]. – 3-e izd. – SPb. : Piter, 2006. – 176 s.
9. П'ин И. А. Put' dukhovnogo obnoveniya: [sborn. soch.] [Path of spiritual renewal]. – M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011. – 1216 s.
10. Katrechko S. L. Kak vozmozhna metafizika: na puti k nauchnoy [transscendental'noy] metafizike [How is metaphysics possible: on the way to science [transcendental] metaphysics] // Voprosy filosofii, 2012, № 3, S. 3–14.
11. Korobeynikova A. P. Sotsial'noe konstruirovaniye: teoretiko-sotsiologicheskii analiz (na primere sem'i) [Social construction: a theoretical sociological analysis (for example, family)]: avtoref. dis. ... kand. sotsiologich. nauk : 22.00.01 – Teoriya, metodologiya i istoriya sotsiologii. – Ekaterinburg, 2002. – 19 s.
12. Kurennoy V. Fenomenologiya Edmunda Gusserlya [Phenomenology of Edmund Husserl] // Gusserel' E. Izbrannyye raboty; Sost. V. A. Kurennoy. – M.: Territoriya budushchego, 2005. – S. 7–22.
13. Losev A. F. Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa» [Dialectics of myth. Addition to the «Dialectic of myth»]. – M.: Mysl', 2001. – 559 s.

14. Matskovskiy M. S. Sotsiologiya sem'i: Problemy teorii, metodologii i metodiki [Sociology of the family: Problems of theory, methodology and methods]. – М. : Mysl', 1989. – 120 s.
15. Razeev D. N. V setyakh fenomenologii [In networks of phenomenology] // Razeev D. N., Gusserel' E. V setyakh fenomenologii. Osnovnye problemy fenomenologii. – SPb. : Izd-vo SPbGU, 2004. – S. 15–219.
16. Reale Dzh. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney. T. 4 [Western philosophy from the origins to the present day]; Per. s ital. S. Mal'tsevovoy. – SPb.: Petropolis, 1997. – 880 s.
17. Sotsiologiya: Entsiklopediya [Sociology : Encyclopedia] / Sost. A. A. Gritsanov i dr. – Minsk: Knizhnyy Dom, 2003. – 1312 s.
18. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary] / Gl. redaktsiya: L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev i dr. – М.: Sov. Entsiklopediya, 1983. – 840 s.

Штаталович О. М., доктор філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпро, Україна), E-mail: visnukDNU@i.ua

Сім'я в філософсько-гносеологічному вимірі: проблема наукової пізнаваності.

Анотація. Проблема наукової пізнаваності сім'ї зводиться до чотирьох питань: цілісного розуміння сім'ї, наукової об'єктивності, допустимих меж редукування і онтологізації наукових моделей. Показано, що власна сім'я дослідника не може бути повністю елімінована в його науковому досвіді. Акцентовано увагу на проблемі редукування сім'ї, оскільки в процесі наукового пізнання виникає науковий схематизм, який суттєво збіднює фамілістичну реальність. Зберігає свою актуальність питання онтологізації наукових моделей, коли при моделюванні раціонально-логічний конструкт сім'ї відривається від етичного, аксіологічного і екзистенціального аспектів і онтологізується.

Ключові слова: сім'я, фамілістика, соціологія сім'ї, психологія сім'ї, філософія сім'ї.

Shatalovych O., doctor of philosophical sciences, docent, associate professor of the Department of philosophy Oles Honchar Dnipro National University (Dnipro, Ukraine), E-mail: visnukDNU@i.ua

The Family in the philosophical-gnoseological dimension: the problem of scientific cognition.

Abstract. The subject of research is the family. The family is a complex and multifaceted phenomenon. The sociology, psychology, demography and other sciences are exploring the (problem of the) family today. The sciences of the family require an interdisciplinary synthesis. In this regard, the philosophical studies of the family are relevant and (have been) actively developed in recent decades. The author of the article explores the family in the philosophical-gnoseological dimension. Explication of the problem of scientific knowability of the family is the purpose of the work.

The author of the article considers four questions. The first question is connected with a holistic understanding of the family. Each science examines the family only for its part. This is a one-sided approach. The fragmentary of the family research impede the holistic understanding of the family. Different sciences have accumulated a lot of knowledge about the family, but they are difficult to understand comprehensively. In addition, this knowledge is of an applied nature and is oriented towards a functional understanding of the family. Thus, a huge volume of the familistic research does not provide a holistic understanding of the family.

The second question is related to scientific objectivity. The family is a phenomenon that embraces a person. We are rooted in the family through birth, education, the life-world. The family is not given to man as an object of study. The researcher's own family can not be eliminated completely in the scientific experience. We can not ignore our family experience, which has formed us and continues to form. That is, a person can not «jump out» of the family to study it.

The third question concerns the permissible limits of reduction. Family is too complicated a phenomenon. It is difficult to describe it in its entirety. Therefore, much of the familiarity of reality is discarded, averaged or simplified in the scientific dimension. In the description of a family, the minimum information is usually indicated, which reduces to static fixation, for example: a group that is related by marital or kinship ties, the commonality of life. That is, social and biological signs are emphasized, but ethical and axiological signs are pushed to the background. In the opinion of the author of the article, scientific reduction significantly

impoverishes the familistic reality. Key existential, ethical, axiological foundations should not be reduced or occupy secondary positions in familial cognition.

The fourth issue is related to the ontologization of scientific models. Scientists identify the schemes and models of the family with reality. The rational-logical construct of the family breaks away from the ethical, axiological and existential aspects and is ontologized, which is unacceptable.

The practical importance of the article. This article contributes to the development of philosophy of family and the formation of interdisciplinary synthesis of family sciences.

The conclusions. The problem of scientific knowledge of the family is reduced to four issues: a holistic understanding of the family, scientific objectivity, permissible reduction and ontologization of scientific models.

Keywords: family, familistics, sociology of the family, family psychology, family philosophy.

УДК 1(091)

Пронякин В. И.,

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии

Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара
(Днипро, Украина), E-mail: vladimir-pronyakin@rambler.ru

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОПЫТА В СОСТАВЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ КАК ДЕЙСТВУЮЩЕМ СУЩЕСТВЕ

***Аннотация.** Рассмотрена прагматическая концепция опыта в его доктринальном отношении к человеку как действующему существу. Сделан вывод о том, что опыт трактуется прагматистами как нечто субъективное, конкретное и индивидуальное. Для Ч. С. Пирса опыт есть неструктурированная субъективная реальность. У. Джеймс понимал опыт как поток сознания, из которого мы сами должны сконструировать мир, в котором будем действовать. Таким образом, у каждого наличествует свой «мир», тогда как в потоке опыта существует множество «неустойчивых миров». Дж. Дьюи считал, что человек живет в непостоянной и полной опасностей среде. Вот потому-то прагматизм и стремится выработать мировоззрение, которое дало бы возможность человеку жить в этом зыбком и опасном мире. Прагматизм исследует опыт человека, хотя и психологизирует его, основывая логику познания на привычках и субъективном выборе верований. В конечном счете, прагматическое представление о человеке как действующем существе тесным образом связано с формированием (назовем его так) протонеклассического представления об опыте как основанном на внерациональном, жизненно-практически опосредованном единстве объекта и субъекта.*

***Ключевые слова:** человек, опыт, объект, субъект, сознание, эмпиризм, рационализм, монизм, плюрализм.*

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. Исследование представленной темы актуально с точки зрения сохраняющегося на протяжении многих десятилетий интереса к философии прагматизма. Такое исследование может быть обусловлено задачами всестороннего раскрытия мировоззренческого и методологического содержания, которое образует состав прагматизма и которое не нашло достаточного отражения и переосмысления в современной отечественной философской литературе. Хорошо известно, что в число приоритетных задач национального возрождения, стоящих перед народами бывшего СССР, входит задача культурной интеграции в систему европейских (и шире: западных) ценностей, мировоззренческих установок, поведенческих нормативов и стандартов. Установка на прагматизм (и даже на утилитаризм) является вполне «естественной» для западного человека, и ее концептуальная разработка американскими философами на рубеже XIX и XX веков явилась в определенном смысле лишь ее теоретической «легитимизацией». Вместе с тем, не менее хорошо известно и то,